

УДК 1

Онтогносеологический аспект проблемы новизны в научном познании

Огнев Александр Николаевич

Кандидат философских наук,
доцент кафедры философии,

Самарский государственный технический университет,
443100, Российская Федерация, Самара, Молодогвардейская ул., 244;
e-mail: phil@ssau.ru

Аннотация

Статья посвящена онтогносеологическому аспекту проблемы новизны в научном познании. Показаны различия между интранаучным и экстранаучным аспектом новизны: первый обусловлен внутренней динамикой понятийного мышления в процессе научного познания, а второй предполагает взаимодействие результатов познавательного процесса с практикой, отражающей общественное бытие. Рассматривается вопрос о соотношении бытия и мышления в контексте понимания миссии науки как системной целостности. На основании концепции русского философа-неокантианца И.И. Лапшина противопоставлены два пути обновления науки: открытие и изобретение. Открытие указывает на неизвестные феномены, данные в опыте, а изобретение предполагает утверждение новых априорных оснований, вытекающих из сущности чистого разума. В статье предложен анализ позиций классиков немецкой философии, позитивизма и адептов марксизма, охарактеризованы утопические моменты в марксистской концепции. Гипотеза единства бытия и мышления трактуется как содержательный момент, гарантирующий развитие науки как системы. Она генерирует формализмы, но не может быть сведена к ним, так как не может мыслиться без содержательной корреляции. Показано значение концепции М.А. Лифшица для понимания «истинной середины» в качестве критерия новизны.

Для цитирования в научных исследованиях

Огнев А.Н. Онтогносеологический аспект проблемы новизны в научном познании // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2017. Том 6. № 1А. С. 31-38.

Ключевые слова

Бытие, мышление, наука, гипотеза, истинная середина, новизна, изобретение, открытие, диалектика, метафизика.

Введение

Существование научного познания как процессуально-заданной системной целостности актов рационального присвоения предметности составляет в настоящее время один из релевантных факторов развития человеческой цивилизации. Следует отдавать отчет касательно различия внутренних и внешних факторов динамики развития науки как системы, генерирующей действенные ценностные обобщения, вносящие в существующую действительность эффект новизны. Интранаучные факторы по своей действенности не выходят за пределы чистой теории и позволяют позиционировать эффект новизны относительно внутренней хронологии науки, в составе которой наличествует разновременные концептуальные образования, гетерехронность которых обусловлена не столько их генезисом, сколько предполагаемым горизонтом обобщения. Экстранаучные факторы не поддаются априорной систематизации, коль скоро в них отражены различные топологические реакции на практическую легитимацию научного обобщения. В этом случае экстранаучный фактор интериоризируется, составляя «ночную», незадекларированную на концептуальном уровне сторону научного познания. Ее реальность не тематизируется предметно в дисциплинарных диспозициях самой науки, но оказывает значительное влияние на выбор приоритетных идеаций, задающих проблемный фокус теоретического обобщения.

Основная часть

То обстоятельство, что научное мышление в своем предметном развертывании, предполагающем обогащение новым материалом, создает новые прецеденты формализации, обрекает науку на конструирование условного хронотопа, в котором эвентуально дезактуализируются различия между теоретическими допущениями и праксеологическими проекциями. Следует согласиться с Дж. Смитом в том, что ученые «должны стать детективами и заняться сверкой с реальностью» [Смит, 2017, 75]. Это значит, что саму науку надлежит рассмотреть с точки зрения баланса ее онтологических предпосылок и теоретико-познавательных установок, если возникает вопрос о релевантности критерия новизны в самом научном познании. Было бы упрощением полагать, что новизна научной инициативы вытекает исключительно из факта нового прецедента формализации эпистем, ибо следует учитывать фактор соотношения объема и содержания гипотез, по отношению к которым сами эпистемы обладают статусом «целочисленных» модельных единиц. Некоторые эпистемы обладают только объемными операциональными характеристиками, будучи при этом бедны содержанием. Другие эпистемы, будучи содержательными, оказываются формализуемыми не по фактическому результату, а только в аспекте своей идеальной динамики. Вот почему легитимация новых гипотез представляется совершенно неоднозначным событием с точки зрения, учитывающей несоизмеримость бытия и мышления, которая заявляет о себе по

факту ценностной констатации антагонизма жизни и мысли, наделяющего научное познание коннотациями, не имеющими ничего общего с формативом, упорядочивающим в самой науке востребованный потребностями ее развития комплекс денотативных значений. Процедура рационализации гипотез по показаниям принятых в науке эпистем не гарантирует познанию подлинной новизны, поскольку не обосновывает сущностного развития самого предмета.

Обращаясь к проблеме научной новизны, позитивистская мысль верно указала на ее нормативный статус, увидев в новизне дистинктивную силу, позволяющую разграничивать существование и долженствование. Так, выступая в амплуа апологета науки, Э. Ренан признает: «Многообразие человеческого духа не есть результат самой природы, а того, что воспринято путем развития и путем накопления фактов, служащих опорой для суждения» [Ренан, 2009, 94]. В позитивном частнонаучном знании новизна оказывается относительной по формальным меркам познавательной активности, коль скоро ее единообразие, рассчитанное на достижение общезначимости, позволяет науке воспроизводить себя в качестве некой специфической конфигурации рефлексии, онтологизирующей собственные основания. Значимое для теории познания субъект-объектное отношение с его диспозицией интенциональностей образует тематический базис, без которого дистинкции новизны не могут быть актуализированы. Это хорошо понимал П. Фолькман, признавая: «Отношение это часто оказывается настолько затемненным, что, воображая, будто можно совершенно обходиться в науке без предпосылок, человек даже не задумывается над тем, возможно ли это логически» [Фолькман, 2010, 11]. Коль скоро именно логика ответственна за сохранение нормативной стороны познавательного процесса, именно ей принадлежит право резервировать локус для научных гипотез, которые до поры не могут быть исполнены эмпирически в предметном материале. Но этот ход позитивистской мысли приходит в противоречие с запросом критики, коль скоро именно критицизм показал, что аналитические суждения логики не служат приращению определенности научного познания, ибо формализмы позволяют классифицировать уже известное, а не обосновывать новое.

Эпистемологическая релевантность критерия научной новизны представляется очевидной, когда речь заходит о статусе гипотез. Так, например, гипотеза «плоской Земли» ошибочна не потому, что нет фактов, которые были бы с ней совместимы, а в силу того, что она есть порождение обыденного сознания, которое не предполагает никакого внутреннего развития, тогда как гипотеза Канта-Лапласа даже в условиях дефицитарного понимания «туманности» в астрономии эпохи Просвещения научна, поскольку она предполагает «развитие» в качестве сюжета, обладающего универсальной космологической значимостью. Русский неокантианец И.И. Лапшин обосновывал необходимость дуалистического подхода к проблеме научной новизны, разграничив понятия изобретения и открытия. Классическим прецедентом открытия он считал ньютоновское всемирное тяготение, имеющее эмпирическое обоснование, тогда как классическим изобретением можно было назвать изобретение

Г.В. Лейбницем дифференциального исчисления, коль скоро бесконечно-малая величина в опыте не дана, но, по признанию Дж. Холта, «этот принцип лежит в основании науки» [Холт, 2016, 15], как и *principium rationis*. Для науки в ее классическом виде разграничение этих двух путей обновления оказывается релевантным критерием классичности *sensu stricto et proprio*. Тайна научной новизны, согласно И.И. Лапшину, состоит в том, что «целое, смутно намеченное, постепенно проявляется по мере формирования частей» [Лапшин, 1999, 329]. Остается, тем не менее, поставленный онтогносеологический вопрос о том, какой интерпретации – онтологической или же гносеологической подлежит часть, а какой – целое?

Методологическая неопределенность, оставленная критическим априоризмом, именно при решении этого вопроса вполне симптоматична, так как попытка поиска дефинитивного решения неизбежно приводила к «проблеме Рейнгольда». Примечательно, что возникновение системы трансцендентального идеализма, запараллеленной с натурфилософией в концепции Ф.В.Й. Шеллинга, и возникновение великого гегелевского диалектического синтеза в равной мере можно интерпретировать как стратегии избегания рейнгольдовской проблемы «элементарной философии», в ходе осуществления которой фигуры ее рационализации приобретают сначала компенсаторно-психодефензивную значимость, а в итоге – сверхценный мировоззренческий смысл. В шеллингианстве новизна теряется в обращении идеалистических и реалистических перспектив обобщения, дезактуализируясь в принципе «продуктивной индифференции», тогда как гегелевская диалектика преобразует понятие новизны в атрибутивную характеристику снятия (*das Aufheben*). Новизна обнаруживается в феномене несводимости предметной сущности к элементам по причине их несоизмеримости, что исключает их счетную рационализацию. В таком случае все развитие науки, ориентированной на идеал математизации научного познания, оказывается скептическим парафразом хэвелизма, констатацией ницшеанского «Великого Напрасно». Новизна заставляет задать вопрос вместе с М. Тегмарком: «Существует ли в реальности нечто большее, чем мы способны увидеть?» [Тегмарк, 2017, 17].

Марксистская философия усматривала в этой коллизии указание на типологическую ограниченность мышления, занятого идеализацией собственных оснований и впадающего в забвение своего реального потребностного генезиса. Предполагалось, что в понятии революции новизна радикально освобождается от амплуа кантовской «*Ding an sich*», преобразуясь в реализм действительной жизни, фиксируемой в лимитах ленинской «теории отражения». На науку возлагалась миссия, которая должна была поднять ее над фатумом позитивистской ограниченности и метафизической отвлеченности. Разумеется, такое представление было утопическим. Невозможно изменить порядок научного мышления простым актом наделения его неким «классовым сознанием», обязательным к исполнению, игнорирующим содержание научного мышления. У раннего Г. Лукача есть характерная отговорка: «Было бы заблуждением верить (...) в то, что эта точка зрения равносильна принятию непосредственно данной (...) общественной структуры» [Лукач, 2003, 246]. Марксистская мысль в ее критической редакции видит гарантию развития науки в ее «освобождении» от идеалисти-

ческой ограниченности. Этот путь приводит марксистских ревизионистов к легендарному повороту к утопии, возвешенному Э. Блохом. Констатируя утопическую природу новизны, Э. Блох учит, что *Novum* не может получить обоснования на путях существующей научной рациональности. Правильный вывод из этого признания состоял бы в утверждении вненаучного характера марксистской догматики, но Э. Блох не оставляет превратного тезиса о латентной революционизации научного мышления: «Осознание (*Besinnen*), повторяющееся снова и снова, упирается не только в самое себя. В нем существует множество нитей, пусть и запутанных, по которым может проникнуть освобождение» [Блох, 1977, 85]. Постулируя в неявной форме необходимость вненаучного стимула для развития науки, «марксистский Шеллинг» доказывает не несвободу реальной науки, а ограниченность марксистского понимания подлинных детерминаций, значимых для развития научного познания.

Гораздо большую проницательность в диалектической оценке новизны как критериального фактора продуктивности в научном познании демонстрирует советский философ, эстетик и литературный критик М.А. Лифшиц, ставший основоположником онтогносеологической концепции, в фокусе которой находится проблема гегелевской «истинной середины» (*die wahre Mitte*). Испытав влияние Г. Лукача и избежав утопического соблазна, М.А. Лифшиц выступал как непримиримый оппонент социологических вульгаризаторов марксизма, разрабатывавших псевдонаучную доктрину «классовой психоидеологии», призванной дать науке более новое, чем сама реальность, содержание. Принимая тезис об открытости процесса научного познания и отвергая идеологический миф о его замыкании, М.А. Лифшиц усматривает в итоге познавательного процесса «аквизит» в дицгеновском смысле. Эта мысль философа во многом перекликается со взглядами Б. Больцано и Г. Кантора на природу актуальной бесконечности, о чем свидетельствует и следующее его рассуждение: «Бесконечность развития допускает действительно (хотя и не безусловно) новое. Это действительно поступательное движение, которое, не выводя из материального мира, выводит за пределы его конечного состояния, взятого в любом, сколь угодно большом числе комбинаций. Комбинациями данного бесконечное развитие не исчерпашь» [Лифшиц, 2004, 89]. Смысл рассуждения М.А. Лифшица в том, что наука соответствует своему понятию в той мере, в какой она способна *lege artis* произвести на практике нечто новое, способное к автономному реальному бытованию, выходящему за рамки абстрактно-рассудочной комбинаторики. Новое иногда не может быть безусловным, ибо оно возникает как реалистический ответ на отражение конечности тематического форматива. М.А. Лифшиц при этом признавал: «Формальная свобода субъекта приводит к полной пустоте...» [Лифшиц, 2013, 31].

Онтогносеология в том ее виде, в каком она была задумана ее основоположником, есть учение об условном единстве бытия и мышления, в котором раскрывается сущность как первого, так и второго. Сказанное позволяет трактовать онтогносеологию как теорию эссенциалистского типа, и этот типически-значимый момент сам присутствует не как экспозитивная экзemplификация сущего в его конечности, а как дефинитивный аспект теории. С позиций семиотического воззрения логос теоретической дефинитивности исчерпывающим образом

охарактеризовал А.Ю. Нестеров: «определить нечто, как имеющее сущность – значит найти качественные границы этого нечто, увидеть его по отношению к нему самому» [Нестеров, 2015, 235]. Сказанное позволяет понять, что онтогносеологический подход к проблеме научной новизны верен в той мере, в какой сама сущность науки берется в ее реальном и содержательном, а не только в идеально-формализованном развитии, следуя признанию В. Стренджера: «Простота порождает сложность, а не наоборот» [Стренджер, 2016, 421].

Заключение

Научная новизна, таким образом, заключает в себе достигнутое рациональным мышлением на почве действительных детерминаций условное единство бытия и мышления, жизни и мысли в неотчуждаемом сущностном качестве, идеации которого могут практиковаться на общезначимых основаниях как реальность *sui generis*, невыводимая из тематического *phaenomenon bene fundatum*, но позволяющая постулировать таковой *bona fide*. Последний пункт гарантирует сводимость всех значимых функций науки в концептуальный проблемный фокус научной новизны, благодаря чему внешнее единство науки становится концентрированным и симплифицированным выражением ее внутреннего содержательного многообразия.

Библиография

1. Блох Э. Тюбингенское введение в философию. Екатеринбург: Изд-во Уральского университета, 1977. 400 с.
2. Лапшин И.И. Философия изобретения и изобретение в философии. М.: Республика, 1999. 399 с.
3. Лифшиц М.А. Проблема Достоевского (Разговор с чёртом). М.: Академический Проект – Культура, 2013. 267 с.
4. Лифшиц М.А. Что такое классика? Онтогносеология. Смысл мира. «Истинная середина». М.: Искусство-XXI век, 2004. 512 с.
5. Лукач Г. История и классовое сознание. Исследование по марксистской диалектике. М.: Логос-Альтера, 2003. 416 с.
6. Нестеров А.Ю. Вопрос о сущности техники в рамках семиотического подхода // Вестник Самарского государственного аэрокосмического университета. 2015. Т.14. №1. С. 235-245.
7. Ренан Э. Будущее науки. М.: Книжный дом «Либроком», 2009. 368 с.
8. Смит Дж. Псевдонаука и паранормальные явления: критический взгляд. М.: Альпина нон-фикшн, 2017. 566 с.
9. Стренджер В. Бог и Мультивселенная. Расширенное понятие космоса. СПб.: Питер, 2016. 432 с.

10. Тегмарк М. Наша математическая Вселенная. В поисках фундаментальной природы реальности. М.: АСТ-Corpus, 2017. 592 с.
11. Фолькман П. теория познания естественных наук. Связь их с духовной жизнью нашего времени. М.: Книжный дом «Либроком», 2010. 368 с.
12. Холт Дж. Почему существует наш мир? Экзистенциальный детектив. М.: АСТ, 2016. 383 с.

Ontological and gnoseological aspect of the problem of novelty in scientific knowledge

Aleksandr N. Ognev

Doctor of Philosophy, Associate Professor,
Samara State Technical University,
443100, 244, Molodogvardeiskaya st., Samara, Russian Federation;
e-mail: phil@ssau.ru

Abstract

The article deals with the ontognoseological aspect of the problem of novelty in scientific knowledge. The difference between intrascientific and extrascientific aspects of novelty is shown: the first is due to internal dynamics of conceptual thinking in the process of scientific inquiry, and the second involves the interaction of results in the learning process with practice, reflecting social being. The question of the relationship of being and thinking in the context of understanding the mission of science as a systemic whole is discussed. Based on the concept of the Russian neo-Kantian philosopher I.I. Lapshin two ways of updating the science are contrasted: discovery and invention. The discovery indicates unknown phenomena given in experience, and the invention involves the adoption of new a priori grounds arising from the nature of pure reason. In the article the analysis of the positions of the classics of German philosophy is given; positivism and the adepts of Marxism, utopian moments in the Marxist concept are characterized. The hypothesis of the unity of being and thinking is treated as a meaningful moment of guaranteeing the development of science as a system. The importance of the concept of M.A. Lifshitz for understanding the "true middle" as the criterion of novelty is shown.

For citation

Ognev A.N. (2017) Ontognoseologicheskii aspekt problemy novizny v nauchnom poznanii [Ontological and gnoseological aspect of the problem of novelty in scientific knowledge]. *Kontekst i refleksiya: filosofiya o mire i cheloveke* [Context and Reflection: Philosophy of the World and Human Being], 6 (1A), pp. 31-38.

Keywords

Being, thinking, science, hypothesis, the true middle, novelty, invention, discovery, dialectics, metaphysics.

References

1. Bloch E. (1977) *Tyubingenskoe vvedenie v filosofiyu* [Tubingen introduction to philosophy]. Ekaterinburg: Ural University.
2. Folkman P. (2010) *Teoriya poznaniya estestvennykh nauk. Svyaz' ikh s dukhovnoi zhizn'yu nashogo vremeni* [Theory of knowledge of natural sciences. Their connection with the spiritual life of our time]. Moscow: Knizhnyi dom «Librokom» Publ.
3. Holt J. (2016) *Pochemu sushchestvuet nash mir? Ekzistentsial'nyi detektiv* [Why does our world exist? An existential detective]. Moscow: AST Publ.
4. Lapshin I.I. (1999) *Filosofiya izobreteniya i izobrenie v filosofii* [Philosophy of invention and invention in philosophy]. Moscow: Respublika Publ.
5. Lifshitz M.A. (2013) *Problema Dostoevskogo (Razgovor s chertom)* [The problem of Dostoevsky (Conversation with the devil)]. Moscow: Akademicheskii Proekt – Kul'tura Publ.
6. Lifshitz M.A. (2004) *Chto takoe klassika? Ontognoseologiya. Smysl mira. "Istinnaya seredina"* [What is a classic? Ontognoseology. The meaning of the world. "True middle"]. Moscow: Iskusstvo-XXI vek Publ.
7. Lukach G. (2003) *Istoriya i klassovoe soznanie. Issledovanie po marksistskoi dialektike* [History and class consciousness. Study on Marxist dialectics]. Moscow: Logos-Al'tera Publ.
8. Nesterov A.Yu. (2015) Vopros o sushchnosti tekhniki v ramkakh semioticheskogo podkhoda [the question of the essence of technology in the framework of the semiotic approach]. *Vestnik Samarskogo gosudarstvennogo aerokosmicheskogo universiteta* [Bulletin of the Samara State Aerospace University], 14, 1, pp. 235-245.
9. Renan E. (2009) *Budushchee nauki* [The future of science]. Moscow: Knizhnyi dom «Librokom» Publ.
10. Smith J. (2017) *Pseudonauka i paranormal'nye yavleniya: kriticheskii vzglyad* [Pseudoscience and paranormal phenomena: a critical view]. Moscow: Al'pina non-fikshn Publ.
11. Stanger V. (2016) *Bog i Mul'tivselennaya. Rasshirennoe ponyatie kosmosa* [God and the Multiverse]. St. Petersburg: Piter Publ.
12. Tegmark M. (2017) *Nasha matematicheskaya Vselennaya. V poiskakh fundamental'noi prirody real'nosti* [Our mathematical universe. In search of the fundamental nature of reality]. Moscow: AST-Corpus Publ.